

СООТНОШЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ С НАЗНАЧЕНИЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИНЦИПОМ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

CORRELATION OF ESTABLISHING THE TRUTH IN A CRIMINAL CASE WITH THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS

V. Proshin

Summary. The proclamation in the conviction of the fact of establishing «objective truth» in the case raises the question of its correlation with the results of solving problems that determine the purpose of criminal proceedings, both in terms of protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes, and protecting the individual from illegal and unfounded accusations, convictions, restrictions on her rights and freedoms. The assumption of the existence of «objective truth» in any case sets the vector movement of the evidentiary process towards its establishment, during which the purpose of criminal proceedings moves to the background, acquiring the form of a normative declaration of indirect application. The orientation of the court towards the need to establish the truth in the case encourages the prosecution to search for it, and not to the process of proving in the adversarial regime, because the purpose and constitutional meaning of the adversarial principle of criminal proceedings is emasculated.

Keywords: criminal offense; circumstances subject to proof in a criminal case; assessment of evidence; crime event; collection, verification and assessment of evidence; admissibility, relevance, reliability and sufficiency of evidence; participant in criminal proceedings; objective truth; relative truth; judge; jurors; criminal sentence, criminal proceedings, appointment of criminal proceedings, adversarial.

Прошин Владимир Михайлович

*Д.ю.н., профессор, Московский государственный
областной университет; адвокат, Московская
коллегия адвокатов «Защита»
advokat.proshin.v.m@gmail.com*

Аннотация. Провозглашение в обвинительном приговоре факта установления «объективной истины» по делу ставит вопрос о её соотношении с результатами решения задач, определяющих назначение уголовного судопроизводства, как в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Допущение факта существования «объективной истины» в любом деле задаёт векторное движение доказательного процесса к её установлению, в ходе которого назначение уголовного судопроизводства перемещается на второй план, приобретая форму нормативной декларации непрямого применения. Ориентирование суда на необходимость установления истины по делу, подвигает сторону обвинения на её поиск, а не на процесс доказывания в режиме состязательности, ибо назначение и конституционный смысл принципа состязательности уголовного судопроизводства выхолащивается.

Ключевые слова: уголовное преступление; обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу; оценка доказательств; событие преступления; сбор, проверка и оценка доказательств; допустимость, относительность, достоверность и достаточность доказательств; участник уголовного судопроизводства; объективная истина; относительная истина; судья; присяжные заседатели; уголовный приговор, уголовное судопроизводство, назначение уголовного судопроизводства, состязательность.

Анализ материалов многих уголовных дел позволяет выявить одну особенность правоприменительной практики: достаточно часто судьи в обвинительных приговорах делают утверждение, что по делу установлена «объективная истина». Об установлении истины в уголовном судопроизводстве писали многие учёные-юристы, а именно: об истине, как результате разрешения уголовно-правового конфликта [1], об истине, как цели доказывания [2], о материально-правовых основах формирования принципа материальной (объективной) истины [3] и т.д. По нашему мнению, необходимо заметить, что провозглашение

факта установления «объективной истины» по делу есть не что иное, как субъективно оценочный вывод об объективности и достоверности установленных обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Субъективность в данном случае вытекает из процессуально установленных условий оценки, в соответствии с которыми судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном

деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Субъективное суждение исследователя об объективном, как итог анализа сведений об обстоятельствах предмета исследования, всегда носит субъективный характер. Поэтому истина в данном случае носит не объективный, а субъективный характер, то есть она относительна, так как производна от субъективного оценочного суждения лица принимающего решение по делу. [4]

При допущении, что по каждому находящемуся в уголовном судопроизводстве делу должна быть установлена «объективная истина», как итог нормативно регламентированного процесса доказывания, встаёт вопрос о её соотношении с результатами решения задач, определяющих назначение уголовного судопроизводства, как в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

По большинству уголовных дел лицо, совершившее преступление, установлено, вина его доказана и в обвинительном приговоре суд провозглашает, что «объективная истина» по делу установлена, виновность подсудимого в совершении преступления полностью подтверждена имеющимися в деле доказательствами, исследованными в ходе судебного рассмотрения. Но, как часто бывает, имущество, похищенное у лица (или организации), потерпевшего от преступления, не найдено и не возвращено владельцу. Следовательно, нарушенные законные права данного лица (или организации) не восстановлены, а значит полного решения задач назначения уголовного судопроизводства не достигнуто.

Поэтому, опираясь на выработанный правоприменительной практикой подход на целеполагание установление «объективной истины» в ходе доказательного процесса при производстве по уголовному делу, следует отметить, что её установление по делу не есть основание для утверждения о достижении назначения уголовного судопроизводства в расследованном преступлении, а является неправовой формой обличения результата субъективного суждения суда об установлении по делу всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, путём их сбора, проверки и в конечном счёте оценки с точки зрения относимости, допустимости и достоверности каждого из доказательств, а всех собранных доказательств в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 73; ст. 88 УПК РФ).

Так следует ли суд нормативно ориентировать на установление «объективной истины» по делу? Ори-

ентирование суда на установление «объективной истины» в уголовном деле возлагает на судью обязанность активно участвовать в доказательном процессе, как средстве её установления. Но согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создаёт необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Следовательно, как и было выше указано, суд участвует в установлении «объективной истины» по делу в основном путём субъективной оценки собранных и проверенных доказательств, руководствуясь при этом понимаемыми судьёй в ходе конкретного разбирательства законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Если под истиной в уголовном деле понимать исключительно только достоверность и достаточность сведений об обстоятельствах события преступления, установленных и нашедших своё подтверждение в ходе судебного рассмотрения, и с их оценкой согласились суды вышестоящих инстанций, то какова степень ответственности суда в условиях, когда доказательства, положенные в обоснование обвинения подсудимого, не нашли своего подтверждения по итогам оценки на стадии судебного разбирательства? Ведь вынесение оправдательного приговора (подп. 2 и 3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ) ставит судью в положение лица не сумевшего установить истину по делу, если требование её установления возложить на судью. Уголовное преступление не раскрыто, но защищена личность от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, то есть решена одна из задач назначения уголовного судопроизводства.

Если исходить из выше предложенного допущения и полагать, что истина в условиях нераскрытого преступления не установлена, то получается конечным участником на стадии судебного разбирательства, принимавшим участие в уголовном судопроизводстве и взявшим ответственность за неустановление истины по делу, но обеспечившим достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), явился судья, рассмотревший это дело. То есть, ориентирование доказательного процесса на установление нормативно не предусмотренной «объективной истины» по делу, достаточно часто может приводить к коллизии с назначением уголовного судопроизводства, дезориентируя ход уголовного преследования.

Допущение факта существования «объективной истины» в любом деле задаёт векторное движение доказательного процесса к её установлению, в ходе которого назначение уголовного судопроизводства перемещается на второй план, приобретая форму нормативной

декларации непрямого применения. Данное обстоятельство толкает суд на занятие позиции обвинительного уклона в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, позволяющего спрятать следственные ошибки и сгладить упущения, неполноту и односторонность предварительного расследования. Ибо провозглашённое статьёй 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства в виде двух неразрывных задач, подлежащих решению в каждом уголовном деле, как оценочные критерии качества его расследования, в работе следственных органов и органов дознания трансформировались в количественные оценочные критерии статистики раскрываемости (ведомственный критерий). В итоге для следователей истина превратилась в лозунговую словесную форму, формирование содержания которой подчинено не поиску истины, а решению задач ведомственных интересов, основанных на статистической отчётности высокой раскрываемости преступлений.

И в условиях векторного целеполагания процесса уголовного преследования не на решение задач уголовного судопроизводства, а на установление истины по делу, правоприменительная практика фокусирует внимание и усилия стороны обвинения, а затем и судей на косвенных доказательствах, в большинстве своём основанных на отсутствии у подвергнутого уголовному преследованию лица алиби и наличии у него же мотива в совершении преступления. Все иные версии отвергаются, даётся обвинительная оценка сведений об обстоятельствах события преступления применительно к участию в данном событии лица, подвергнутого уголовному преследованию, и в завершении провозглашается факт установления «объективной истины» по делу, как самостоятельный аргумент раскрытия преступления, подтверждающий качества полноты и достоверности доказательств, положенных в обоснование обвинения.

Ориентирование суда на необходимость установления истины по делу, подвигает сторону обвинения на её поиск, а не на процесс доказывания в режиме состязательности. Усилия стороны обвинения фокусируются на формировании понимания истины в расследуемом деле с позиции ведомственного интереса, а не на процессе доказывания обстоятельств, обязательных к установлению. Происходит не криминалистическая реконструкция события преступления на основе процесса доказывания, а реконструкция истины в расследуемом деле на основе её понимания в рамках ведомственного интереса. Выхолащивается назначение и конституционный смысл принципа состязательности уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ), ведь действия представителей стороны защиты воспринимается стороной обвинения как противодействие ходу расследования и установлению истины, ибо монопольное право её

понимания и установления по итогам расследования принадлежит, как считают многие следователи и прокурорские работники, стороне обвинения.

«Абсолютная истина» непознаваема в силу бесконечности мироздания. То, что понимается под истиной в любом деле, как было замечено выше, является относительной истиной, а значит юридически значимое содержание этой истины может меняться в ходе производства по уголовному делу, и результат её влияния на итоговое оценочное суждение судьи по делу зависит от успешности действий сторон в доказательном процессе по сбору, проверке и оценки доказательств. Поэтому процессуально-правовой смысл принципа состязательности сторон даёт основание для понимания истины в любом деле, как результат доказанности всех обстоятельств, подлежащих установлению по делу, оцененный судьёй с позиции закона и совести.

Постановка вопроса о наличии «объективной истины» в любом расследуемом уголовном деле заменяет отношения состязательности сторон в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, режимом поиска этой истины, ибо сам факт её наличия в деле даёт основание полагать возможным её нахождение и вне рамок состязательности. Ведь направление доказательного процесса на установление «объективной истины» по итогам оценки судьёй как каждого из доказательств отдельно, так и в совокупности, позволяет облечь ошибочный субъективизм в толковании закона и в понимании совести (ст. 17 УПК РФ) в форму нормативно не предусмотренного понятия «объективной истины».

А процесс состязательности всегда предполагает нормативно регламентированный результат доказанности или недокazanности лица в совершении преступления. Доказанность либо недокazanность виновности лица, подвергнутого уголовному преследованию, в совершении преступления в условиях состязательности в любом случае отвечает назначению уголовного судопроизводства ст. 6 УПК РФ), способствует обеспечению презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечению гарантий защиты прав, свобод и личной неприкосновенности (ст.ст. 22, 45, 46 Конституции РФ). [5]. Провозглашение наличия «объективной истины» в деле и необходимости её найти заранее предполагает наличие порока в правовой позиции одной из сторон, подмывая гарантированное их равноправие перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Целеполагание процесса расследования на установление истины по делу размывает нормативно установленные рамки назначения уголовного судопроизводства, заменяя нормативно заданный процесс обязательности доказывания определённых законом обстоятельств нормативной неопределённостью процесса поиска истины в деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.Н. Масленникова, «Юридическая истина как результат разрешения уголовно-правового конфликта о нарушении уголовно-правового запрета». С. 35–45. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
2. А.М. Баранов, «Цель доказывания — цель уголовного процесса?». С. 59–63. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
3. Ф.А. Воскресенский, «Материально-правовые основы формирования принципа материальной (объективной) истины в континентальной модели уголовного процесса». С. 79–85. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учётом поправок от 14.03.2020 № 1-ФЗ).

© Прошин Владимир Михайлович (advokat.proshin.v.m@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет